

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Языки мира. Балтийские языки. М.: Academia, 2006. 221 с. + 4 карты

Выход данного тома продолжающегося энциклопедического издания «Языки мира» можно без малейших скидок назвать важным событием в российской науке. Несмотря на то, что отечественная школа баллистики, представленная такими именами, как М.Н. Петерсон, В.Н. Топоров, Вяч.Вс. Иванов, Т.В. Булыгина, В.А. Дыбо, Ю.В. Откупщиков, Т.М. Судник, А.Е. Аникин и др., по праву считается одной из ведущих в мире, до сих пор на русском языке не существовало книги, в которой балтийской группе языков и отдельным ее представителям давалась бы если не исчерпывающая, то по крайней мере полная и единообразно представленная лингвистическая характеристика. Рецензируемое издание заполняет данную лауну, причем на весьма высоком и современном научном уровне.

Рецензируемый том – один из наиболее удачных в серии «Языки мира», что связано во многом с малочисленностью балтийских языков, которая избавила авторов и редакторов от необходимости ограничивать объем и, следовательно, содержание статей. Большая свобода, которой могли воспользоваться авторы тома, как представляется рецензенту, непосредственно сказалась как на собственно научном качестве статей, так и на таком немаловажном аспекте, как связность и удобочитаемость текста.

Авторский коллектив тома включает следующих ученых: В.Н. Топоров («Балтийские языки», «Прусский язык»), Т.В. Булыгина («Литовский язык»), О.В. Синёва («Литовский язык»), В.Э. Сталтмане («Латышский язык»), А.Б. Брейдак («Латгальский язык»). Карты, как и в других томах серии, выполнены Ю.Б. Коряковым. В редколлегиях тома, помимо участников группы «Языки мира» (А.А. Кибрик, Н.В. Рогова, Ю.Б. Коряков), вошли также В.Н. Топоров, М.В. Завьялова и А.В. Андронов.

К сожалению, три из пяти авторов тома – Т.В. Булыгина, В.Н. Топоров и А.Б. Брейдак – скончались до выхода книги в свет. Более того, Т.В. Булыгина и А.Б. Брейдак не успели закончить свои статьи; статья «Литовский язык» была завершена О.В. Синёвой, а статья «Латгальский язык» была подвергнута серьезной редакции А.В. Андроновым и Л. Лейкумой. С этим, в частности, связаны отдельные неровности рецензируемой книги, и ее читатель должен отдавать себе отчет в том, в каких сложных обстоятельствах она готовилась к публикации.

Книгу открывает статья В.Н. Топорова «Балтийские языки» (с. 10–50), по-видимому, наиболее подробная и объемная статья такого рода во всех томах серии. В ней не только дана основная лингвистическая характеристика балтийских языков в целом, но и подробно рассмотрены история изучения балтийских языков (с. 11–14), проблема статуса балтийской группы языков в индоевропейской семье и вопрос о балтославянском языковом единстве (с. 14–21). Основную часть статьи (с. 21–34) занимает подробное описание мертвых балтийских языков – галиндского, ятвяжского, куршского, земгальского и селийского, данные о которых на русском языке были до того представлены лишь в ряде разрозненных публикаций (см. также книгу [Дини 2002]). Лингвистическая характеристика балтийских языков (с. 36–42) также является исключительно подробной и включает информацию о фонетике, морфологии, словообразовании, синтаксисе, лексике, поданную как с диахронической, так и с синхронной точек зрения.

Особо хочется отметить подробный разбор В.Н. Топоровым взглядов на проблему балтийско-славянских языковых отношений (с. 18–21), которые в свете исследований последних десятилетий [покойный ученый внес

значительный вклад в эти исследования как эмпирический (ср. цикл работ В.Н. Топорова о балтийской гидронимии), так и теоретический] предстают во многом по-новому. В.Н. Топоров отстаивает в качестве наиболее продуктивной и объяснительной ту точку зрения, что «славянские языки представляют собой более позднее развитие периферийных балтийских диалектов, находившихся в южной части первоначального балтийского ... ареала» (с. 19–20), тем самым отвергая взгляд на балтийские и славянские языки как на две равноправные ветви в рамках более крупного объединения. Такой подход позволяет объяснить значительное число фактов, в частности, различную степень близости между славянскими языками, с одной стороны, и разными балтийскими языками, с другой (так, по ряду критериев основное членение «балтославянского» языкового единства приходится проводить по линии «литовский + латышский» vs. «пруссский + славянские», при том, что, с другой стороны, статус прусского как именно балтийского, а не славянского языка невозможно подвергнуть сомнению). Данная трактовка, при всей ее «неортодоксальности», представляется рецензенту если и не полностью убедительной, то в высшей степени интересной и продуктивной, и я выражаю свое удовлетворение тем, что она, наконец, стала доступна не только специалистам по балтийской исторической лингвистике, но и более широкому кругу читателей.

Статья завершается библиографией по балтийским языкам (с. 42–50), имеющей самостоятельную научную ценность. В нее входят: список основных периодических изданий по балтистике (включая закончившиеся и новейшие), список общих работ по балтийскому языкознанию и список работ по каждому из рассмотренных в статье мертвых балтийских языков. Каждый из этих списков является практически полным; рецензенту удалось найти в нем лишь два существенных пробела – не упоминается двухтомный сборник [Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001], в котором балтийским языкам уделено значительное внимание, и новая книга по исторической морфологии глагола [Schmalstieg 2000]. Также было бы полезно указать в библиографии английский перевод избранных трудов Я. Сафаревича [Safarewicz 1974].

Остальные статьи тома посвящены отдельным балтийским языкам – мертвому прусскому и живым литовскому, латышскому и латгальскому. Выделение латгальского в качестве полноправного языка наравне с имеющими государственный статус литовским и латышским несколько про-

блематично, поскольку данный идиом рядом авторов рассматривается в качестве диалекта латышского языка. Причины, по которым было принято решение посвятить латгальскому идиому отдельную статью, связаны, согласно редколлегии тома (Предисловие, с. 9), в основном с «наличием латгальской литературной традиции». В свете этого остается несколько непонятным, почему для описания латгальского языка была избрана сокращенная схема описания; если бы информация о нем была подана в том же объеме, что и для других балтийских языков, читатель мог бы получить более полное представление, в частности, об отличиях латгальского идиома от собственно латышского.

Вообще, приходится констатировать, что принятая в серии «Языки мира» схема описания, ориентированная в первую очередь на литературные языки и дающая сведения о диалектах в первую очередь *sub specie* их отличий от нормативного языка, не лишена трудно устранимых недостатков. Общеизвестно, что трактовка того или иного идиома как «языка» или «диалекта» во многих случаях (если не вообще в большинстве случаев) связана не с собственно лингвистическими особенностями, а с факторами, лежащими в лучшем случае в социолингвистической плоскости, а в худшем – в сфере политики. Полное описание той или иной группы языков с неизбежностью сталкивается с существованием идиомов, социолингвистический или политический статус которых противоречит их собственно лингвистической значимости. В частности, для балтийских языков, возможно, большее значение имело бы отдельное рассмотрение не латгальского идиома, а жемайтского (в данном томе трактуемого как диалект литовского языка; справедливости ради стоит отметить, что спорный характер этого вопроса также отмечен редколлекцией в Предисловии).

Статьи сборника построены по единой схеме, общей для всех томов данного издания. Каждая статья, помимо собственно лингвистической характеристики, содержит основную социолингвистическую и лингвогеографическую информацию о языке, сведения о его письменности и этапах его истории. В статьях последовательно дается информация о фонологии, просодии, фонотактике, структуре слога, морфонологии, частях речи и грамматических категориях, основных грамматических классах лексики, морфологической парадигматике, структуре словоформы, словообразовании, синтаксисе простого и сложного предложения, лексике (в частности, о за-

имствованиях), а также основные сведения о диалектах.

Статья В.Н. Топорова «Прусский язык» (с. 50–93) является, по-видимому, наиболее полным на данный момент монографическим описанием прусского языка, изданным по-русски. В начальном разделе статьи излагаются сведения о пруссах и прусском языке, представленные в ранних источниках, в частности, перевод двух главок из «Хроники земли Прусской» немецкого хрониста Петра из Дусбурга (начало XIV в.), рассматривается этимология этнонима «пруссы», подробно освещается вопрос о позиции прусского языка по отношению к другим балтийским языкам и об ареале его распространения, равно как и о его социолингвистическом статусе. Затем дается детальный обзор прусских памятников (с. 56–58). Лингвистическая характеристика прусского языка (существовавшего в двух диалектных вариантах: помезанском и самбийском) включает в себя подробное рассмотрение фонологии (в частности, приводятся разные возможности реконструкции вокализма каждого из диалектов и «общепрусской» системы гласных) и просодии (в той мере, в какой она может быть восстановлена на основании письменных памятников) (с. 59–66), морфологии, системы грамматических категорий, частей речи (с. 66–83), синтаксиса (с. 83–84), лексики (с. 84–86). Следует особо отметить подробный раздел, посвященный морфологической парадигматике (с. 71–81), где приводятся как общие схемы склонения и спряжения, так и образцы словоизменения конкретных лексем. Библиография к данной статье (с. 87–93), опять же, является практически исчерпывающей и включает в том числе и ряд новейших работ.

Статья Т.В. Бульгиной и О.В. Синёвой «Литовский язык» (с. 93–155) является наиболее объемной и подробной в данном томе. При этом сведения об истории языка, его социолингвистических особенностях и первых письменных памятниках скорее представлены в конспективном виде (с. 94–96), основное же внимание уделено собственно лингвистической информации. Здесь следует отметить: детальное описание обладающих рядом нетривиальных особенностей фонетики, просодии и фонотактики (с. 97–102); описание употреблений падежей (с. 109–112), включая отсутствующие в современном литературном языке вторичные локативные образования; описание сложной системы нефинитных глагольных форм (с. 127–130); обзор идеофонов, образующих в литовском языке типологически нетривиальный подкласс лексики (с. 132–133); подробное описание диалектов (с. 147–

152). Библиография к данной статье весьма обширна, хотя и содержит ряд пробелов (так, в ней отсутствуют основные источники по литовской аспектологии – классическая книга [Dambriūnas 1960] и недавняя грамматика [Mathiassen 1996]).

Остановлюсь отдельно на разделе, посвященном проблеме вида (с. 115) – одной из самых дискуссионных в литовском языкознании (см., например [Вимер 2001]). Следует признать безусловно верным указание авторов, что перевод литовских терминов *eigos veikslas* и *įvykio veikslas* как соответственно «несовершенный» и «совершенный» вид «следует признать вводящим в заблуждение»; авторы предлагают буквальный и существенно более точно отражающий суть указанных категорий перевод этих терминов: «процессуальный вид» и «событийный вид», соответственно. Рецензенту представляется также очень важным эксплицитное (и в каком-то смысле смелое, хотя и, опять-таки, по моему мнению, безусловно верное) утверждение авторов, что в литовском языке «вид как грамматическая категория славянского типа отсутствует».

Статья В.Э. Сталтмане «Латышский язык» (с. 155–193) почти на треть короче, чем статья, посвященная литовскому языку, и, соответственно, менее подробна. Данное обстоятельство не может не огорчать, в первую очередь потому, что доступных на русском языке описаний латышского языка до самого последнего времени практически не было. Следует особо отметить следующие удачные разделы данной статьи: описание фонотактики и структуры слога (с. 160–163), парадигматики (с. 179–185) и диалектов (с. 189–192). В целом данная статья, разумеется, дает всю основную информацию о латышском языке, но большая подробность и детализированность была бы вполне уместна. Библиография к данной статье (с. 192–193) довольно представительна; в нее, однако, не включены грамматика [Mathiassen 1997], статья [Balode, Holvoet 2001b] (при том, что работа [Balode, Holvoet 2001a], посвященная литовскому языку, в библиографии к соответствующей статье фигурирует) и типологический сборник [Nau 2001].

Статья А.Б. Брейдака (под редакцией А.В. Андропова и Л. Лейкумы) «Латгальский язык» (с. 193–213) является, фактически, первым современным описанием данного идиома на русском языке. Выше уже было отмечено как то, что статус латгальского языка не является очевидным, так и то, что этот идиом, в принципе, стоило бы в рамках данного издания описать более подробно. В статье весьма детально (иногда, быть может, излишне детально, ср. полный список членов орфогра-

фической комиссии на с. 197) рассматриваются социолингвистические, исторические и нормализаторские вопросы (с. 193–197), в частности, перечисляются основные памятники старолатгальской литературы. Лингвистическая характеристика латгальского языка (с. 197–209), по мнению рецензента, могла бы быть, во-первых, более детализированной, и, во-вторых, более равномерно распределенной: сведения о фонетике занимают почти половину этого раздела (с. 197–203), при том, что в статье вообще отсутствуют образцы парадигм и упоминания о таких важных аспектах грамматики, как выражение видовых значений или особенности употребления аналитических глагольных форм. Информация о говорах латгальского языка (с. 209–211) интересна, хотя отчасти и фрагментарна. Библиография (с. 211–213) весьма обширна.

Приложения содержат список сокращений, список названий языков и диалектов, типовые схемы статей серии «Языки мира», а также следующие карты балтийских языков: (1) Археологические культуры III–IV в. н. э. и балтийские гидронимы (форзац), (2) Балтийские племена и языки в X в., (3) Балтийские племена и языки в XIII в., (4) Латышский и латгальский языки и их диалекты, (5) Литовский язык с диалектами. Карты (2) и (3) содержат курьезную опечатку: Рижский залив почему-то назван в них Гданьским.

Перейду к более частным критическим замечаниям. При том, что в общем том написан на чрезвычайно высоком уровне (как с точки зрения чисто научной, так и с позиции «качества текста», что, в принципе, не менее важно), можно отметить определенную неравномерность в степени подробности и детализированности описания разных балтийских языков, что, разумеется, (но, по мнению рецензента, лишь отчасти) связано с указанными выше обстоятельствами издания тома. Также несколько смущает то, что некоторые типологически нетривиальные черты, общие для всех языков этой группы, упоминаются лишь в одной из статей (например, возвратные отглагольные имена описаны лишь в статье «Латышский язык», а лексические дублеты, различающиеся глухостью/звонкостью начального согласного, – только в статье «Латгальский язык»).

Утверждение, содержащееся в Предисловии (с. 9) о «близости синтаксиса балтийских языков к славянским», не может быть признано верным. Сходства в синтаксическом устройстве балтийских и славянских языков носят лишь наиболее общий характер; напротив, между двумя группами языков наблюдаются фундаментальные различия на всех

уровнях синтаксиса – от порядка слов до употребления конструкций с нефинитными глагольными формами.

В статье «Балтийские языки» в качестве признаков архаичности балтийских языков наравне со структурой именных категорий приводится и система глагола (с. 15), что не представляется полностью корректным. Структура глагольных категорий в балтийских языках, особенно в современном литовском, является в существенной степени инновационной, что может быть прослежено даже на материале имеющихся письменных памятников. На с. 17 следовало бы привести примеры «топонимических соответствий между балтийским и балканским... ареалами», а на с. 29 не хватает примера «сдвоенного рефлексива». «Отсутствие следов придыхательных» согласных в балтийском (с. 36) не является полным: противопоставление индоевропейских простых звонких и придыхательных отразилось на долготе/краткости предшествующего гласного по так называемому закону Винтера (см. [Dybo 2002]). Там же следовало бы пояснить, что имеется в виду под «расширенным» вариантом падежной системы (сохранение почти всех падежей, унаследованных от индоевропейского праязыка или же появление локативных падежей?) и охарактеризовать особенности системы дейктических местоимений.

В статье «Прусский язык» непонятна формулировка (с. 71) «сочетания предлога *sen* с творительным падежом... далеки от падежности»; возведение прусских именных основ на *-ē-* (там же) к индоевропейскому состоянию некорректно, поскольку данный тип основ в балтийском возник из древних образований на **-ijā-*, о чем сам автор пишет на с. 36.

В статье «Литовский язык» вызывает недоумение пассаж (с. 95), в котором упоминается литовская графика конца XV в., – ведь первые тексты на литовском языке датируются серединой XVI в.! Трактовка на с. 97 категории эвиденциальности («пересказывательности») как «семантической», а не грамматической вызывает сомнение (ср. [Gronemeier 1997]). Описание фонетической реализации слоговых интонаций на разных типах слогов (с. 102) следовало бы снабдить фонетической транскрипцией. Смешение собственно апофонических чередований с полуавтоматическим удлинением ударных гласных /a/, /e/ на с. 104 представляется некорректным не только содержательно, но и с точки зрения традиции описания этих явлений в литуанистике; трактовка апофонических изменений гласных на с. 105 как чисто «вспомогательного морфологического средства», сопутствующего аффик-

саци, также является слишком упрощенной: авторы сами приводят примеры лексем, противопоставленных лишь ступенью корневого вокализма (ср. *sverti* 'весить' vs. *svirti* 'свить'). Представляются недопустимыми такие формулировки (к сожалению, присутствующие не только в данном томе серии), как «падежные значения выражаются при помощи падежных форм, предлогов... также послелогов» (с. 109). Трактовка дополнений в косвенных падежах в качестве прямых объектов (с. 110) кажется некорректной и противоречащей данному авторами ниже (с. 112) определению переходности. Несмотря на то, что пассивные причастия в литовском языке обладают весьма широкими сочетаемостными возможностями, называть их немаркированными членами залоговой оппозиции, по-моему, все же нельзя. Понятие «позиция синтаксической ударности/безударности» (с. 121) не проясняется. На с. 122 не упомянут глагольный префикс с модальным значением *te-* – единственный литовский префикс, способный предшествовать показателю отрицания. На с. 123 в двух соседних предложениях сначала сообщается, что степени сравнения образуются лишь от качественных прилагательных, а затем говорится, что они имеются и у ряда относительных прилагательных. Склонение «родовых местоимений», обладающее в литовском языке рядом нетривиальных особенностей, фактически не описано (краткого упоминания на с. 138 явно недостаточно). В том же разделе вообще отсутствует описание склонения местоимений 2-го лица.

В статье «Латышский язык», по-моему, следовало бы, вопреки традиции, во всех разделах пометать словоформы слоговыми интонациями, как это было сделано в статье «Литовский язык», а самим этим интонациям (с. 159) дать фонетическое, а не только «импрессионистическое» («длительная», «прерывистая», «нисходящая») описание. Классификация чередований гласных (с. 164) на унаследованные от индоевропейского праязыка и на собственно латышские существенно неполна, т.к. в ней не упомянут обширный пласт чередований, возникших на общепольской почве и не имеющих прямых соответствий в других индоевропейских языках. Типы спряжения и склонения не следует трактовать в качестве морфологических категорий имени и глагола (с. 165). Непонятно, почему на с. 175 о возвратном «постфиксе» *-s* говорится во множественном числе. Также представляется некорректным говорить о «грамматическом» «видовом» значении приставки *pa-* (с. 185), равно как и о том, что «флексия женского рода *-a* избыточна» после словообразовательно-

го суффикса *-īb-* (там же). Неясно, в каком точном смысле «порядок слов в вопросительном предложении такой же, как в повествовательном» (с. 187); синтаксису сложного предложения следовало бы уделить несколько больше места, в частности, привести примеры различных типов сложных предложений. При описании отличий верхнелатышских диалектов от нижнелатышских (с. 191) одной нижнелатышской фонеме нередко ставится в соответствие целый ряд верхнелатышских звуков; следовало бы пояснить, каким образом могут быть распределены эти соответствия.

В статье «Латгальский язык», так же, как и в статье «Латышский язык», следовало бы описать фонетическую реализацию слоговых интонаций. Ничего, кроме сожаления, не может вызвать отсутствие в статье даже самых основных парадигм имени и глагола. Рецензент не убежден, что наречия *ite* 'здесь' и *kai* 'как' на синхронном уровне являются морфологически производными от каких-либо местоимений.

Карты также содержат ряд неточностей¹; так, например, обозначенная на карте 1 археологическая культура «западно-балтийских курганов» на самом деле занимала меньшую территорию; там же неверно указано время миграции готов – вместо середины III в. н.э. указан II в. н.э.

Несмотря на чрезвычайно высокий уровень редакторской работы, в томе имеется довольно большое количество опечаток и подобных им огрехов. Упомяну лишь некоторые из них. При перечислении зарубежных балтистов на с. 14 исландский ученый Ёрундюр Хильмарссон обозначен как «Ё. Хильмарссон», что недопустимо, поскольку у исландцев нет фамилий и их имена и отчества принято писать полностью; там же имя японского специалиста Тосикадзу Иноуэ приведено с грубыми нарушениями принятых в России правил транслитерации японских слов, допустимыми, быть может, в рекламе японских товаров, но не в академическом издании. На с. 27 вместо «митрополия» должно быть написано «метрополия». В библиографии к статье «Балтийские языки» отсутствует упоминаемая в тексте статьи работа Лескина (1876), а работа Smoczyński 1989 почему-то указана после работы Smoczyński 2002. На с. 59 не закончена фраза, начинающаяся со слов «подобные германизмы объясняются...», на с. 73 перед парадигмой основ на *-ē-* в список лексем нет слова *druwi* 'дверь'. На с. 94 в списке

¹ Рецензент благодарит В.И. Кулакова за указание на эти неточности.

стран, в которых проживают литовцы, два раза фигурирует Польша. На с. 104 междометие *kuldinkšt* 'плюх' ошибочно записано как *kuldinškšt* с невозможным для литовского языка сочетанием согласных. На с. 116 формы сослагательного наклонения приведены с ошибками: вместо *tylė-tu-me*, *tylė-tu-te* должно быть *tylė-tu-(mė)-me*, *tylė-tumė-te*. На с. 118 ошибочно указано, что суффиксы прошедшего многократного времени *-dav-* и будущего времени *-s-* распределены между личными и причастными формами. На с. 130 форма инструменталиса *senatvė* ошибочно квалифицирована как аккумулятивная. В таблице залоговых форм повелительного и косвенного наклонений (с. 141) вместо «изъявительное» и «сослагательное» необходимо читать, соответственно, «повелительное» и «косвенное». На с. 165 перепутан род у словосочетаний *vecas ābeles* 'старые яблони' (ж. р.), *veci bērzi* 'старые берёзы' (м. р.). В таблице склонения существительных на с. 179 следует отделить дефисом окончание *-s* в форме *sirds*.

Также практически во всех статьях в ряде случаев примеры языковых форм не выделены курсивом или полужирным шрифтом, иногда отсутствуют фонетические или фонологические кавычки, ударение на словоформах нередко либо стоит неправильно, либо вовсе отсутствует.

При всех высказанных выше содержательных замечаниях и обнаруженных технических недочетах мне хочется повторить, что издание «Балтийские языки» является, на мой взгляд, одним из лучших томов серии «Языки мира» и вносит исключительно ценный вклад как в собственно балтистику, так и в общее языкознание, делая для него доступным очень важный и во многих отношениях типологически нетривиальный материал балтийских языков. В заключение хочется выразить надежду, что группа «Языки мира» и издательство «Academia» изыщут возможность в разумные сроки подготовить исправленное переиздание этой в высшей степени актуальной и нужной книги.

П.М. Аркадьев

- Вимер 2001 – Б. Вимер. Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов // ВЯ. 2001. № 2.
- Дини 2002 – П.У. Дини. Балтийские языки. М., 2002.
- Balode, Holvoet 2001a – L. Balode, A. Holvoet. The Lithuanian language and its dialects // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The Circum-Baltic languages. V. I. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Balode, Holvoet 2001b – L. Balode, A. Holvoet. The Latvian language and its dialects // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The Circum-Baltic languages. V. I. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 – Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The Circum-Baltic languages. Typology and contact. Vols. I–II. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Dambriūnas 1960 – L. Dambriūnas. Lietuvių kalbos veiksmožodžių aspektai. Boston, 1960.
- Dybo 2002 – V.A. Dybo. Balto-Slavic accentology and Winter's law // Studia Linguarum. № 3. М., 2002.
- Gronemeyer 1997 – C. Gronemeyer. Evidentiality in Lithuanian // Working papers, Lund University, Dept. of Linguistics. V. 43. 1997.
- Mathiassen 1996 – T. Mathiassen. A short grammar of Lithuanian. Columbus (OH), 1996.
- Mathiassen 1997 – T. Mathiassen. A short grammar of Latvian. Columbus (OH), 1997.
- Nau 2001 – N. Nau (ed.). Typological approaches to Latvian // Sprachtypologie und Universalienforschung. V. 54. № 3. 2001.
- Safarewicz 1974 – J. Safarewicz. Linguistic studies. Paris; The Hague, 1974.
- Schmalstieg 2000 – W.R. Schmalstieg. The historical morphology of the Baltic verb. Washington, 2000. (Journal of Indo-European studies. Monograph 37).

Integrum: точные методы и гуманитарные науки / Ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава. Вступ. сл. Вяч.Вс. Иванов. Предисл. А.Я. Шайкевич. М.: «Летний сад», 2006. 430 с.

Рецензируемый сборник воплощает замысел авторов проекта – объединить «под одной обложкой» исследования, сделанные при по-

мощи «Интегрума» – «службы баз данных, которая состоит из крупнейшей электронной коллекции русскоязычных документов и ин-